

УДК 82

А.С. Акимова¹

Усадебная тема на страницах журнала «Новый мир» 1920-х гг.²

Аннотация. В статье впервые предпринято описание «усадебного топоса» раннесоветской литературы и сделана попытка типологии его репрезентаций на страницах журнала «Новый мир» с начала выхода периодического издания в 1925 до 1929 г. В результате изучения опубликованных в журнале художественных текстов, не привлекавших внимания исследователей, а также рецензий на вышедшие в 1920-е гг. издания молодых авторов, чаще всего выходцев из крестьян, был сформулирован вывод относительно идейно-эстетических и социально-политических установок редколлегии, издававшей тексты и рецензии, в которых в неприглядном виде изображалась жизнь усадеб и их владельцев, создавался отталкивающий читателя образ дворянских имений и царивших в них нравов, а также в целом образ деревни, невежественной, развратной, погрязшей в пьянстве и лени. Обращение к частному аспекту большой и значительной проблемы аграрной истории России – судьба частновладельческих земель и расположенных на них усадеб в период НЭПа и ее отражение в художественной литературе должно сформировать понимание процессов, происходивших в российской деревне в 1920-е гг.

Ключевые слова: специфика «усадебного топоса»; НЭП; изучение периодики; журнал «Новый мир».

The estate theme on the pages of the “New World” journal of the 1920s

Abstract. The research is based on the study the “estate topos” of early Soviet literature and attempts to typify of the representations of the estate image on the pages of the New World journal from the beginning of the journal in 1925 to 1929. As a result of the study of literary texts published in the journal and reviews of newly published publications of young authors, mostly peasants by birth, a conclusion was formulated regarding the ideological, aesthetic and socio-political attitudes of the editorial board which published texts and reviews in which the

¹ Анна Сергеевна Акимова – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: a.s.akimova@mail.ru.

Anna S. Akimova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

² Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051).

life of estates and their owners was depicted in an unsightly way, the image of noble estates repulsive to the reader was created, as well as, in general, the image of the ignorant, depraved, mired in drunkenness and laziness countryside. The study of one of the particular aspect of a large and significant problem of the agrarian history of Russia which is the fate of privately owned lands and estates located on them during the NEP period and its reflection in fiction should form an understanding of the processes that took place in the Russian countryside in the 1920s.

Keywords: specifics of the “estate topos”; NEP period; study of periodicals; New World journal.

Усадебная тема является одной из частных, узких тем, более значительной и масштабной проблемы, изучением которой в настоящее время занимаются историки-аграрники, ИРИ РАН (Центр экономической истории) – проблемы аграрной истории России и, в частности, социально-экономической и политической роли деревни и крестьянства в судьбе страны в трагическом XX в. Теоретические аспекты изучения аграрного вопроса затронуты в статьях В.В. Кондрашина [30], В.Я. Романченко [44] и др. авторов. Предварительные итоги изучения взаимоотношений российского крестьянства и государственной власти представлены в обобщающем труде А.А. Никонова «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)» (М., 1995). Проблеме деревни посвящены материалы международных научно-практических конференций «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века», выпуски под редакцией Хироси Окуда «XX век и сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте “История российского крестьянства в XX веке”»¹. В рамках изучения истории помещичьих усадеб с точки зрения методологии необходимо учитывать историографические очерки А.Н. Долгих «“Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...”: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в.» (Липецк, 2018). Для решения поставленной задачи – реконструкции образа усадьбы, создаваемой на страницах журнала «Новый мир» в период НЭПа, – остановимся на исторических исследованиях, посвященных взаимоотношениям крестьянского и помещичьего хозяйств. Прежде всего, необходимо выделить публикации архивных документов, благодаря которым усадебведческие исследования, междисциплинарные по своей природе, приобретают необходимую историковедческую основу: «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927» (М., 1991), «Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.)» (Новосибирск, 2020), первые два тома издания «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»

¹ Также см.: [25].

(М., 1998–2000) и вышедший в пяти томах сборник «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» (М., 1999–2006).

Анализу аграрной политики в начале 1920-х гг. посвящена статья В.А. Ильиных [24], в которой объясняются причины отказа от политики «военного коммунизма», вызвавшей антисоветские вооруженные восстания крестьян, и рассматривается комплекс мер, предпринятых большевиками, по переходу к новой экономической политике. В начале 1920-х гг., в первые годы НЭПа, по справедливому утверждению автора статьи, одной из основных задач советского государства в деревне являлся земельный вопрос, в частности обеспечение прав на землю [24, с. 129]. В качестве его решения признавалось «создание правильного <...> пользования землей, неизбежно оставшейся в собственности государства трудящихся» [41, с. 268–269]. Непосредственно с темой выселения помещиков и ликвидации частного землевладения связаны публикации И.Н. Лозбенева [36], А.В. Беловой [4] и др.

Следует отметить, что тема усадьбы занимает совершенно особое место и в изучении русской литературы XX в. Вопросы политики партии и правительства в отношении деревни рассматриваются в монографии Н.В. Корниенко [31]. В большом объеме постановления и другие документальные источники представлены в комментариях к книге рассказов Вс. Иванова «Тайное тайных» [23]. Однако усадебная проза 1920-х гг. не становилась предметом изучения ученых-филологов: исследователей неизменно привлекают произведения рубежа XIX–XX вв. и, в частности, творчество И.А. Бунина [21; 22; 33], М.М. Пришвина [48], А.Н. Толстого [1; 20; и др.]; лишь в последнее время в работах О.А. Богдановой наметилась тенденция изучения трансформации «усадебного топоса» раннесоветской литературы на примере повестей Пришвина «Мирская чаша. 19-й год XX века», Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева», рассказов Бунина «Несрочная весна» и М.А. Булгакова «Ханский огонь» [6].

Образ усадьбы на страницах журнала «Новый мир», как и в целом изучение отражения политики государства в периодическом издании не становились предметом отдельного исследования. Между тем оно дает чрезвычайно ценный материал, иллюстрирующий процессы формирования нового образа дворянской усадебной культуры и, прежде всего, иного образа русской деревни.

Одно из наиболее последовательных направлений в создании образа усадебной культуры и быта, реализованных на страницах журнала «Новый мир», стало рецензирование книг (мемуаров, переписки и др.), связанных с именами представителей дореволюционной литературы (А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого). Так, одной из первых появилась рецензия

на воспоминания свояченицы Толстого, послужившей одним из прототипов Наташи Ростовой, Т.А. Кузьминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846–1862» (М., 1925), в которых рассказывалось о молодых годах писателя: «Автор, по старой дворянской традиции, начинает с рассказа о родословной своих предков, осыпанных “монаршими милостями”. Эти главы наименее интересны и содержат ошибки...» [8, с. 160]. В отзыве на вторую часть воспоминаний Кузьминской, опубликованных годом позже, одним из их достоинств рецензент отмечает то, как передан «“воздух” ясно-полянкой жизни», простой и непритворный быт Толстого, «рочительного хозяина, увлекающегося помещика», однако «идиллия семейной и помещичьей жизни нарушается вспышками страстной ревности» молодого Толстого, первый год женатого на Софье Андреевне [46, с. 190].

О «барских привычках» помещика Некрасова писал рецензент книги К. Чуковского «Некрасов. Статьи и материалы» (Л., 1926) А. Глаголев: «Стремление к комфорту, к богатой жизни, барская охота, английский клуб и т.п., – все это – по Чуковскому – надо объяснять дворянским происхождением поэта» [12, с. 254]. Ряд публикаций 1927 г. был посвящен жизни и творчеству Пушкина в период его пребывания в Тригорском и взаимоотношениям с А. Вульфом, сыном владелицы имения П.А. Осиповой [10]; а также в имении матери Михайловское с экскурсом в историю соседнего имения Петровское, принадлежавшего родственнику по материнской линии П.А. Ганнибалу [50; 51]. В рецензии на изданную в 1928 г. в Москве книгу П.Е. Щеголева «Пушкин и мужики» Н. Ашукин отмечал: «Социальные корни творчества Пушкина глубоко уходят в почву крепостного права, и материальный быт Пушкина-помещика, владельца “крепостных душ”, неразрывно связан с литературной продукцией Пушкина-поэта. Его “поэтическое хозяйство” находится в сильнейшей зависимости от его “крепостного хозяйства”» [2, с. 294].

Сюда можно отнести и ряд публикаций научно-просветительного характера Л. Гроссмана о крепостных поэтах [14; 15], чья судьба являет собой «печальный контраст косной среды и выдающегося дарования» [14, с. 105] и вписана автором в плеяду художников и зодчих, музыкантов и актеров усадебных театров, о которых писали Ф.М. Достоевский («Неточка Незванова») и А.И. Герцен («Сорока-воровка»). В «Новом мире» публиковались рецензии и на подобные издания: например, на книгу о «господских театрах» В.Г. Сахновского «Крепостной усадебный театр. Краткое введение к его типологическому изучению» (1924) была написана разгромная рецензия Н. Пиксанова [43, с. 158–159]; также не остались без внимания воспоминания И.И. Панаева, А. Панаевой, В.Я. Брюсова и дневники, вышедшие в 1927–1928 гг., изображавшие быт ушедших литературных эпох, смену поколений и течений в русской литературе [45].

В связи со 100-летним юбилеем был подготовлен раздел, посвященный Толстому, который открывала статья П.С. Когана. В ней отмечалось и влияние гения писателя на мировую словесность и наличие в его учении «вредных с точки зрения Октября» идей [29, с. 185]. Толстой здесь представлен как «сын класса, находящегося на последней ступени нравственного падения, класса тунеядцев-эксплоататоров, которые веками привыкли к праздному существованию, благодаря подневольному труду подвластных рабов» [29, с. 186]. В этих и многих других, опубликованных в журнале рецензиях на труды, посвященные истории дореволюционной культуры, был представлен взгляд крепостного мужика, в котором, как писал Брюсов в стихотворении «Не память» (1923), «вдруг вздрогнет доля деда, / Кто вел соху под барский бич...» [9, с. 57].

Другая форма репрезентации образа усадьбы связана с публикацией новых авторов, чаще всего выходцев из крестьян, которые писали о проблемах деревни и создавали в своих произведениях образы бывших помещиков, в неприглядном виде изображая их привычки и нравы. Эти произведения ценны прежде всего тем, что фиксируют произошедшую с усадьбами трансформацию – от частного имения к советскому хозяйству. В статье «Что делает советская власть для осуществления демократии» М.И. Калинин заявлял о том, что «конфискация помещичьих земель, фабрик и заводов до расширительных прав Г.П.У. и монопольного положения коммунистической партии, – все эти меры пронизаны одной политической целью: охранить советскую демократию от разрушительных замыслов капиталистического мира против советов» [27, с. 125]. Правда, как убедительно показано в исследовании В.Д. Ковалева, организация совхозов началась через месяц после провозглашения советской власти на базе конфискованных частных земель, но термин «советское хозяйство» был введен летом 1918 г., а «совхозы» – весной 1919 г., поэтому «поначалу такого рода предприятия именовали не совхозами, а “народными”, “советскими”, “красными”, “экономиями”, “имениями” и т.п.» [28, с. 140–141]. Подобное изменение происходит с землями и барским имением в повести М. Герасимова «Пчелка»: «Шумели липы от птичьего гомона, встряхивая буйными кудрями. По свежескрашенному фасаду цвета моркови горели под солнцем красные буквы: “Совхоз Ясные Липки”. Кроме скотины и ребят на дворе – никого. Все работали в поле. В столовой – бывшей барской зале с колоннами – чисто и солнечно. Самотканые, вышитые занавески на окнах. Выскобленные столы и полы. На столах тоже узорчатые дорожки, горшки с цветами. Со стены смотрит Ильич в траурной рамке, а на ней венок весенних цветов, совсем свежих, еще росинки не высохли. В углу, киоте, вместо икон – библиотечка» [11, с. 44].

Действие рассказа Б. Губера «Известная Шурка Шапкина» происходит в совхозе на базе Тешеловской усадьбы на берегу Оки («полосатая стена березовой рощи, бок скотного двора, крыши» [16, с. 77]). В рассказе «Лобуда» автор также описал совхоз на месте бывшей усадьбы, принадлежавшей некогда князю Матвею Матвеевичу, ворчливому, но аккуратному и требовательному хозяину: «Кривякинская усадьба полегла на пригорке. Внизу Волга – хитрой извивается полосой... Лицом к ней тяжко опирается на облупленные колонны большой, двукрылый дом, который посейчас называется Зимним, – в отличие от другого – Летнего» [17, с. 68–69]. Владелец не пережил Октябрьской революции, его жена сбежала со шкапулкой с драгоценностями, сыновья – кто в бегах, кто в остроге; летний дом в запустении – все расхищено, зимний заколочен – «на дверях висят печати Центромузея» [17, с. 69]. О создании в барском доме музея усадебного быта с тем, чтобы показать, как раньше жили «баре и буржуи», писал, например, Огнев в «Дневнике Кости Рябцева», герои которого посещали главный дом усадьбы, сохраненный «под показательный музей».

В повести К. Федина «Пастух» в опустевшей Кочановской усадьбе, брошенной владелицей еще во время революции, устроили школу. Здесь в кухне небогатого дома («дом крыт щепой, с обеих сторон ворота соединяют его с флигелями, в левом флигеле кухня, в правом рига, коровник, сараи») и поселился главный герой пастух Прокоп с приемной дочерью Проской и, казалось ему, прежние тревоги отступили: «Перебравшись на новоселье, он снова как-то полегчал, будто Кочаны, отступившие за реку, перестали тревожить его» [49, с. 135]. Как видим, в литературе 1920-х гг. отражены трансформации полуразрушенных опустевших дворянских усадеб, на основе которых создавалась новая жизнь (совхозы, музеи, школы и колонии). В качестве примера можно привести рассказ В. Лидина «Марина Веневцева», героиня которого родилась и выросла в доме, построенном отцом специально для красавицы-жены вдали от города: «Дом наш был угрюмый, мебель всегда стояла в чехлах, и свет зажигали только в тех комнатах, в которых жили <...> Я очень хорошо помню наше детство. Мы редко видели отца, и мама жила затворницей. Это было невеселое детство <...> Теперь этот дом сгорел... в нем была колония для беспризорных, и беспризорные в прошлом году его сожгли» [35, с. 7–8].

Большое внимание в литературе 1920-х гг. уделялось событиям 1905 г. и погромам, которые крестьяне устраивали в усадьбах помещиков. В повести А. Демидова «Жизнь Ивана» речь шла об изменениях в жизни деревни накануне 1905 г. В ней подробно фиксировались все трансформации частновладельческих земель: сначала графские и помещичьи земли в Тульской губернии продали Крестьянскому банку, крестьяне арендовали их, не

решаясь купить, а затем после раздела земель согласно плану ликвидации имения «расхватили» их в один миг [18, с. 248], именно поэтому критикой повесть воспринималась как документ, а не художественное произведение.

В рецензии на повесть П. Низового «Черноземье» (1926) А. Баркова писала о конфликте безземельных темных крестьян и скучающих в огромных имениях помещиков как о традиционном для литературы: «Приятие деревней войны, февраля и октября – тема повести Низового “Черноземье”». Село Казанское-Зарубино и деревня Подгорково, – грязь, вековая тьма, дурман водки и самогона, а рядом имение князя Кугушева, – дворец с драгоценным фарфором, художественной мебелью и стародворянскими преданиями. Противопоставление обычное в литературе последних лет... Мужик, изголодавшийся по земле, стихийно ненавидит войну, жадно поглядывает на помещичьи усадьбы и помещичьи леса» [3, с. 177–178].

Иное решение усадебной темы находим в рассказе А. Яковлева «В родных местах» из одноименного сборника 1925 г. Местом действия рассказа также становится деревня, однако поседевший и потрепанный жизнью граф Петр Семенович возвращается в «родные места», чтобы со своим семейством поселиться в доме бывшего крестьянина, старика Филиппа и его жены Груши: «Не могу жить без родных мест, – сказал граф. – Как лето, – шабаш, – тянет. Прежде опасался, а теперь, кажется, можно. Уж если к себе домой пока не могу, так хоть издали, с вашего берега, буду посмотреть на родной дом» [52, с. 9]. С. Борисов в рецензии на сборник «прекраснодушного» Яковлева охарактеризовал рассказ как единственный, в котором «писатель взглянул на жизнь без розовых очков», назвав его «лучшим рассказом по своей убедительности и художественной правдивости» потому, что граф-дачник и его семья «ничего не забыли и ничему не научились, воспользовались хитрым радушием крестьянина, сели ему на шею и дали простор своим паразитическим привычкам»: «В результате мужика выжили из его избы, отравили ему существование эксплуатацией его труда и старым барским чванством. Мужик, которому сперва льстила честь приютить у себя графа, начинает видеть истинное лицо своих господ и озлобляется» [7, с. 153]. Этот рассказ интересен еще и тем, что может служить иллюстрацией слов Калинина. Подводя итоги в статье «Десять лет СССР», он писал: «Когда об этом “далеком прекрасном прошлом” с умилением говорят потомки крепостников, это понятно: паразиты не могут существовать сами по себе, – они тоскуют по живому народному телу, на котором они питались, развивались и которое терзали целые столетия, – для них это вопрос жизни и смерти» [26, с. 12].

В целом ряде рассказов конца 1920-х гг. нет ни тени «умиления», напротив, разрушенные усадьбы становятся символом угнетения и по-

рабощения темных, непросвещенных крестьян. В рецензии на литературно-художественный сборник «Недра» (М., 1928) отмечается «художественная значительность» повести А. Бибика «Конец Филоновки» о затерянном в степи хуторе и разграбленной усадьбе, захваченной дезертирами [32, с. 252]: «В защитном кольце из дуба, ясеня, липы – фруктовый сад на пятнадцати десятинах. В середине – оранжерея и – затейливой башенкой – домик садовника. Поближе к фасадной стене с крепкими на каменных столбах, воротами простоватый с виду, но прочно и хозяйственно построенный дом. Из окон конторы и кабинета видно длинную, белую конюшню, сараи для машин и крытые навесы для них же, зерновой амбар, погреб, казарму, жилые приказчика, скотницы, сторожей... Позади дома веранда, и ее широкая лестница с балясами и чашами выводит к разделанным цветочным клумбам, за которыми, уже к самой реке, аллея старых лип, сомкнувших свои кроны» [5, с. 3]. Разбив оранжерею, разграбив сараи, крестьяне «стали подтираться боком к господскому дому. Но он был заперт, а окна изнутри закрыты. Столько было перед этим крыльцом отвешено поклонов! – и холопских и от чистого сердца. Теперь оно, чуть запорошенное утренним снежком, было молчаливо. И не хватало пока решимости перешагнуть через это молчанье и сорвать замок» [5, с. 18].

Особо выделяется и по содержанию, и по охвату материала первый номер журнала «Новый мир» за 1927 г. В словах героя Ф. Гладкова «Старая секретная» с подзаголовком «Повесть о былом» разгромленные помещичьи усадьбы упоминаются в связи с темой крестьянского безземелья:

А Митря нудно мямлил с мужичьей назидательностью:

– Вам – привычно. Вы, городские, земли не чуете, к земле не привязаны. Вы и свободы не знаете. Свобода из земли растет, как хлеб. А какая свобода в городе? Тюрьма. Вот она, сволочь, какая... Стены – крепости, окошки – в железе, двери – в железе. И за нуждой человек ходит в кубышку. Дым, копоть, ералаш: или бьют, или жрут друг друга – не поймешь.

Прахов засмеялся и подмигнул в его сторону.

– Ну, ты дурачком не прикидывайся, паря. Подумаешь, какой навозный простофиля... А кто громил помещичьи усадьбы – не ты ли?

– Я против города шел. У барина-то у нашего какой заводище был в экономии – чистый дьявол. Он – в городе, барин-то, а из города, как паук, тенета плел, – на нашу землю лапу накладывал. Мы – за освобождение земли, за земной дух. Это – дело правое... [13, с. 9].

Здесь, как и в романе С. Мстиславского «1905 год», который публиковался в двух номерах журнала в 1927 г. под заглавием «На крови», в предыстории героев вводятся усадебные погромы начала 1900-х гг.: «А теперь, когда взошла на той, на январской крови народная месть, – когда по всей России из конца в конец идут разгромы усадеб, – когда народ встает за землю, когда бастуют рабочие... когда революция идет – слышите, товарищи, ход ее, уверенный и твердый – царское правительство пробует показать нам вместо волчьих зубов – лисий хвост. А мы его за этот хвост да об стенку!» [37, с. 79]. Однако в опубликованном в 1928 г. полном тексте романа в рассказе дворянина, участника умирения крестьян, звучит сарказм:

– Вы были на умирениях! – Магда подняла на Юренича блеснувшие любопытством... нет, не одним любопытством... глаза. – Это очень ужасно?

– По условиям, в которых приходилось жить, да! – брезгливо повел усами Юренич. – Вы представить себе не можете, какая там в деревнях неопикуемая грязь... И эти избушки, *passez moi le mot* – как грибы-поганки.

– Нет, я не о том. Они очень защищались?

– Кто? Мужики? – Юренич откинул голову и сдержанно захохотал. – Какая защита! Они же – дикие трусы, эти наши добрые православные мужички. На погром усадеб их еще хватает: взять штурмом веранду, которую обороняют два грудных младенца и кормилица; но против вооруженной силы... Они воют, но они не поднимают руки. Я прошел с казаками четыре уезда – без выстрела [38, с. 35].

В повести А. Новикова-Прибоя «Ухабы» образ дореволюционной усадьбы с двухэтажными кирпичными постройками, благоухающим садом и оранжереей, тихим прудом и обвитой плющом беседкой возникает на страницах письма, которое читает в своей крошечной каюте Томилин. Это письмо предназначено старинному другу-эмигранту и наполнено тоской по прошлому и, прежде всего, по прекрасному райскому имению, которое связало с молодостью и первой любовью:

...Я был очень опечален, когда узнал из письма об участии твоего имения. Ты всколыхнул в моей душе воспоминания, знойные и прекрасные, как солнечное марево. Сколько раз я гостил у тебя. До сих пор мне мерещится, как золотое утро детства, твой чудесный сад, благоухающий редкостными цветами; тихий пруд с зеленоватой водой, местами затененной деревьями; небольшой островок с купальнями, выкрашенными в голубой цвет, с бесед-

кой, пышно обвитой плющом, – там, освежившись в прохладной воде, мы ели самых свежих карасей, добытых из твоих садков, услаждались сочно рдеющей викторией, только что собранной с грядок твоего сада, и пили пенистое шампанское. Более благоустроенное имение, чем твое, трудно было найти. Чего стоила одна только оранжерея с тропическими растениями! Точно кусочек Цейлона ты перенес к себе. А этот буйно разросшийся дубовый парк с дорожками, усыпанными песком, – парк, звеневший в весенние зори трелями соловьев, а твой каменный дом с причудливой старинной архитектурой!

Я помню каждый уголок в твоём имении, каждую деталь. Может быть, потому оно так крепко запечатлелось в моем мозгу, что там я впервые познакомился с баронессой фон Бирман и там же признался ей в любви. Сейчас, когда я пишу эти строки, она, моя супруга, прожившая со мною более тридцати лет, сидит за столом и штопает чулки. Тебе не узнать ее. Она стала в полном смысле старушкой, сгорбившейся, в дешевеньком сером платье, в очках, в которых одно стекло треснуло. Иногда я с грустью смотрю на ее седые волосы, прядями свисающие на сморщенное лицо, в ее черные глаза, когда-то обжигавшие своей страстностью, а теперь полинявшие от обилия слез.

О, жестокое, все разрушающее время!

Где наше прошлое?

Взять твоё имение. Оно представляло собой райский уголок на земле. И все в нем было устроено солидно и прочно, все говорило о незыблемости привычных устоев.

А теперь, как видно из твоего письма, разбушевавшиеся крестьяне все это уничтожили: сад и парк срублены, даже выкорчеваны корни, великолепный пруд превратился в замусоренную речонку, а от двухэтажного здания и других построек не осталось ни одного кирпича, ни одного кола.

Там, где процветала красота, где мы думали блаженствовать всю жизнь, мужики устроили кладбище, насыпают свежие холмы могил и ставят кресты.

Какая ирония судьбы! [40, с. 78–79].

Героини рассказа В. Лидина «Белые ночи», «пятнадцати-, шестнадцати- и семнадцатилетние существа», после экскурсии по Зимнему дворцу вышли на Миллионную, бесцельно блуждая по Петербургу, прошли музей Пушкина на наб. Мойки: «Вот тут и стояли кареты, в которых выезжала Natalie, и отсюда увезли Пушкина ночью хоронить в Святые горы... Бед-

ный Пушкин! – Надя сказала все это и смотрела на дверь квартиры, на которой висела табличка с надписью “А.С. Пушкин”» [34, с. 123–124]. Надя, ощущавшая родство и с пушкинской Татьяной, и с Лаурой Петрарки, счастливая и гордая от охватившей ее любви к отчиму подруги, совращенная им, принимает решение покончить жизнь самоубийством.

Появление в «Новом мире» образов, связанных с ушедшей в прошлое усадебной культурой неслучайно. О необходимости «овладения старым искусством» писал Л.Д. Троцкий в статье «Культура и социализм»: «Искусство прошлых веков сделало человека более сложным и гибким, подняло его психику на более высокую ступень, всесторонне обогатило ее. Обогащение это есть неопределимое завоевание культуры. Овладение старым искусством, поэтому, необходимой предпосылкой не только для создания нового искусства, но и для построения нового общества, ибо для коммунизма нужны люди с высокой психикой. Способно ли, однако, старое искусство обогащать нас художественным познанием мира? Способно» [47, с. 172].

Иной взгляд на усадебную культуру и ее носителей представлен в романе А. Дроздова «Лохмотья». Имя главного героя становится нарицательным: «В эту ночь в России, когда трещали помещичьи усадьбы в огне, и спящий тыл, впервые заорал тысячами глоток, вздыбился, лопнул, как назревший нарыв, и пролил кровь, бежали Иваны Михеичи из насиженных гнезд, от старых, с детства, сложенных, как зубы, привычек...» [19, с. 44]. Однако, по признанию А.Р. Палей, эта книга «нужна советскому читателю»: несмотря на отсутствие единого сюжета (роман построен на воспоминаниях и письмах героев) в нем дана «галерея фигур человеческих лохмотьев», «паноптикум живых мертвецов, показ которых – дело социальной важности. Потому что мы должны же знать, что представляет собою эмиграция» [42, с. 269–270].

В результате предпринятого впервые изучения художественных произведений, которые были опубликованы или подверглись критическому разбору на страницах журнала «Новый мир» в период с начала выхода издания в 1925 до 1929 г., были выявлены неизученные и не введенные в научный оборот и в контекст усадебоведческих исследований повести М. Герасимова, А. Демидова, П. Низового, А. Бибика, Ф. Гладкова, А. Новикова-Прибоя, рассказы Б. Губера, А. Яковлева, В. Лидина, романы С. Мстиславского и А. Дроздова. Художественные произведения этих, забытых ныне писателей, ставшие фактом литературной жизни периода НЭПа, являются отражением идейно-эстетических и социально-политических установок редколлекции периодического издания, целенаправленно отбирившей для публикации тексты и рецензии, в которых в неприглядном виде изображалась жизнь

усадеб и их владельцев, что, разумеется, полностью соответствовало идеологической программе партии и правительства. В дальнейшем необходимо предпринять изучение многочисленных коллективных сборников, альманахов и антологий, в которых также создавался отталкивающий советского читателя образ дворянских имений и царивших в них нравов и в целом образ деревни невежественной, полной суеверий, развратной, погрязшей в пьянстве и лени. Обращение к частному аспекту большой и значительной проблемы аграрной истории России – взаимодействия крестьянских и помещичьих хозяйств в период НЭПа и их отражение в художественной литературе – поможет проанализировать процессы, происходившие в российской деревне в 1920-е гг. и будет способствовать формированию целостной картины о ее культурных и социальных преобразованиях.

Список источников и литературы

1. *Абишева У.К.* Художественная рецепция русской усадебной прозы в повести «Мечтатель (Аггей Коровин)» А. Толстого // Пушкинские чтения – 2002: материалы межвузовской научной конференции. СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. С. 184–195.
2. *Аишукин Н.С.* Рец. на: Щеголев П.Е. Пушкин и мужики. По неизданным материалам. С автографами Пушкина и иллюстрациями. М.: Федерация, 1928. 287 с. // Новый мир. 1928. № 12. С. 294.
3. *Баркова А.* Рец. на: Низовой П. Черноземье. Повесть. М.; Л.: Изд-во «Земля и Фабрика», 1926. 215 с. // Новый мир. 1926. № 6. С. 177–178.
4. *Белова А.В.* К вопросу о выселении бывших помещиков и крупных землевладельцев в 1925–1926 гг. (на материалах Саратовской и Сталинградской губерний) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 218–224.
5. *Бибик А.П.* Конец Филоновки // Недра. Кн. 14. М.: Изд-во «Недра», 1928. С. 3–68.
6. *Богданова О.А.* Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 2. С. 190–205.
7. *Борисов С.* Рец. на: Александр Яковлев. В родных местах. Рассказы. М.: Изд. «Никитинские Субботники», 1925. 141 с. // Новый мир. 1925. № 4. С. 153.
8. *Борисов С.* Рец. на: Т.А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846–1862. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 173 с. // Новый мир. 1925. № 4. С. 160.
9. *Брюсов В.Я.* На память // Недра. Кн. 6. М.: Изд-во «Недра», 1925. С. 57.
10. *Вересаев В.В.* Заметки о Пушкине // Новый мир. 1927. № 1. С. 185–196.
11. *Герасимов М.П.* Пчелка // Новый мир. 1927. № 1. С. 37–64.
12. *Глаголев А.* Рец. на: Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л.: Изд-во «Кубуч», 1926. 395 с. // Новый мир. 1927. № 1. С. 254–255.
13. *Гладков Ф.В.* Старая секретная // Новый мир. 1927. № 1. С. 7–44.
14. *Гроссман Л.П.* Крепостные поэты // Новый мир. 1925. № 3. С. 105–118.

15. Гроссман Л.П. Крепостные поэты // Новый мир. 1925. № 8. С. 104–118.
16. Губер Б.А. Известная Шурка Шапкина // Новый мир. 1927. № 6. С. 67–78.
17. Губер Б.А. Лобуда // Новый мир. 1925. № 12. С. 66–91.
18. Демидов А.А. Жизнь Ивана. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 268 с.
19. Дроздов А.М. Лохмотья. [Харьков]: Изд. «Пролетарий», 1928. 288 с.
20. Еришова Л.В. Мир русской усадьбы в художественной трактовке писателей первой волны русской эмиграции // Филологические науки. 1998. № 1. С. 23–30.
21. Еришова Л.В. Усадебная проза И.А. Бунина // Филологические науки. 2001. № 4. С. 13–22.
22. Зайцева Н.В. Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1890-х – начала 1910-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1999. 165 л.
23. Иванов В.В. Тайное тайных. М.: Наука, 2012. 566 с.
24. Ильиных В.А. Аграрная политика советского государства в начале 1920-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 126–132.
25. Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докл. и сообщений (Брянск, 4–28 сентября). М.: ИСл РАН, 2018. 235 с.
26. Калинин М.И. Десять лет СССР // Новый мир. 1927. № 11. С. 5–40.
27. Калинин М.И. Что делает советская власть для осуществления демократии // Новый мир. 1926. № 10. С. 110–135.
28. Ковалев Д.В. Формирование совхозного сектора в агросфере столичной губернии (1918 – середина 1920-х гг.) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 140–146.
29. Коган П.Д. Л.Н. Толстой // Новый мир. 1928. № 9. С. 185–192.
30. Кондрашин В.В. Актуальные проблемы аграрной истории России XX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: ИРИ РАН, 2020. С. 3–12.
31. Корниенко Н.В. Нэповская оттепель: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 183–216.
32. Кременский Н. Рец. на: Литературно-художественные сборники «Недра». Кн. 14. М.: Изд-во «Недра», 1928. 211 с. // Новый мир. 1928. № 6. С. 252–253.
33. Лебедева Т.А. Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1920–1953 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2002. 187 л.
34. Лидин В. Белые ночи // Новый мир. 1927. № 1. С. 123–129.
35. Лидин В. Марина Веневцева // Новый мир. 1926. № 10. С. 5–26.
36. Лозбенева И.Н. Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах центральной России в 1925–1927 годах // Российская история. 2009. № 1. С. 81–85.
37. Мстиславский С.Д. На крови // Новый мир. 1927. № 9. С. 78–105.
38. Мстиславский С.Д. На крови. М.; Л.: Гос. изд-во. 456 с.
39. Н.К. Рец. на: Партизаны. Сборник рассказов. Редакция П. Низового. М.: Госиздат, [1925]. 96 с. // Новый мир. 1925. № 4. С. 154.
40. Новиков-Прибой А.С. Ухабы // Новый мир. 1927. № 1. С. 76–118.

41. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т. 1: 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967. 783 с.
42. *Палей А.Р.* Рец. на: Дроздов А. Лохмотья. Роман. [Харьков]: Изд. «Пролетарий», 1928. 288 с. // Новый мир. 1928. № 5. С. 269–270.
43. *Пиксанов Н.К.* Рец. на: Сахновский В.Г. Крепостной усадебный театр. Краткое введение к его типологическому изучению. Л.: Колос, 1924. 61 с. // Новый мир. 1925. № 5. С. 158–159.
44. *Романченко В.Я.* Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века (О некоторых теоретических аспектах проблемы) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. М.: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. С. 3–10.
45. *Соболев Ю.В.* Литературный быт в записях прошлого // Новый мир. 1928. № 5. С. 256–262.
46. *Соболев Ю.В.* Рец. на: Т.А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. 2: 1863–1864. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. 180 с. // Новый мир. 1926. № 4. С. 188–190.
47. *Троцкий Л.Д.* Культура и социализм // Новый мир. 1927. № 1. С. 166–184.
48. *Трубицына Н.А.* Феномен усадьбы в художественном-автобиографическом дискурсе Михаила Пришвина и Ивана Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 185–189.
49. *Федин К.А.* Пастух // Новый мир. 1926. № 8–9. С. 130–152.
50. *Щеголев П.Е.* Пушкин и мужики // Новый мир. 1927. № 10. С. 149–169.
51. *Щеголев П.Е.* Пушкин и мужики // Новый мир. 1927. № 12. С. 162–188.
52. *Яковлев А.С.* В родных местах. М.: Изд-во «Никитинские субботники», 1925. 141 с.